

АРХИЕПИСКОП ФЕОФАН (БЫСТРОВ): ЖИЗНЬ КАК ПОДВИГ

Детство и юность

протоиерей
Александр БОЛОННИКОВ

Минская Духовная Семинария, бакалавр богословия—1995; Ecumenical Institute (Bossey, Switzerland)—1998, Московская Духовная Академия, кандидат богословия—1999, Аспирантура МДА при ОВЦС—2001, доцент Минской Духовной Академии—2006, секретарь Ученого Совета Минской Духовной Академии;

Архиепископ Феофан (в миру Василий Дмитриевич Быстров) родился в селе Подмошье Лужского уезда С.-Петербургской губернии. Не все источники единогласны в указании даты его рождения, что чаще всего объясняется путаницей старого и нового стиля. При этом наибольшее огорчение вызывают искаженные данные, приводимые в современных энциклопедических изданиях¹. Правильной датой рождения Василия Быстрова необходимо считать 31 декабря 1873 года, о чем свидетельствует вид на жительство в г. Лимерэ, составленный на основании паспорта архиепископа Феофана. Эти данные подтвердил и ныне здравствующий внучатый племянник владыки Феофана, преподаватель С.-Петербургской Духовной Академии протоиерей Николай Преображенский.

Отец будущего архиепископа, Дмитрий Николаевич Быстров, был священником Знаменской церкви села Подмошье. Мать, Мария Ивановна Быстрова (урожденная Разумовская)², взрастила, кроме Василия, еще четверых детей. Строгое церковно-традиционное воспитание, полученное всеми детьми, сказалось на их дальнейшей жизни. Если владыка Феофан стал твердым защитником православного вероучения, то его брат протоиерей Михаил явился исповедником веры, приняв мученическую кончину от богоборческой власти в 30-х годах. Довольно любопытным является факт, что Мария Ивановна Быстрова видела во сне еще малолетнего своего сына Василия, стоящего «в алтаре на архиерейском возвышении и благословляющего народ»³.

Вряд ли обратили тогда внимание на этот сон простые родители будущего архиепископа. Бедность семьи побудила их довольно

рано отдать сына в начальное училище при Александро-Невской лавре г. С.-Петербурга, где за неординарные способности он был поставлен на казенный счет.

Его успехи в учебе сочетались со скромностью и готовностью всегда помочь своим одноклассникам, что вызывало ответное уважение с их стороны, засвидетельствованное в дорогом подарке—они преподнесли Василию «золотой нагрудный крест большой величины, вершка в 1,5-2 длины. Я сам видел его,—вспоминает митрополит Вениамин (Федченков),—Быстров, видимо, ценил этот дар»⁴. Такое подлинно человеческое отношение ко всем окружающим его людям он сохранит и в будущем, когда его характеристиками станут: «необыкновенная выдержка, воспитанность, деликатность в обращении, ласковая внимательность ко всем приходящим и сердечная отзывчивость на всякое горе и нужду»⁵.

Получив начальное богословское образование в Духовном училище, Василий Быстров продолжил обучение в семинарии. Здесь он также прилежным изучением всех дисциплин развивал свои интеллектуальные способности, благодаря которым переходил из класса в класс, обгоняя своих сверстников. Окончание курса семинарии будущего архиерея-богослова было блестящим. Его фамилия открывала список выпускников первого разряда⁶. Позднее имя будущего ректора С.-Петербургской Духовной Академии исследователи ее исторического пути будут ставить в один ряд с именами «крупных ученых, выдающихся профессоров, которые вышли из числа воспитанников семинарии»⁷.

Точно так же список лиц, зачисленных в число студентов С.-Петербургской Духовной Академии по результатам вступительных экзаменов, начинался фамилией ее будущего ректора. Однако может показаться несколько странным, что среди талантливого студента «школьные занятия не увлекали»⁸.

Вывод о том, что единоличное умствование, пусть даже основанное на строгих законах логики, не может привести человека к познанию Истины, к наделению смыслом человеческого бытия, а значит и неспособное избавить его от страданий, ощущения бессмысленности своего существования, побудил студента Быстрова обратиться к соборному голосу Церкви. Этим голосом для Быстрова стали творения святых отцов Православной Церкви, единомыслие которых объясняется одним Источником их знаний—Духом Истины. А глубоко изучить их труды будущему богослову помогло знание многих языков, среди которых—древнееврейский, арамейский, древнеегипетский, аккадский (ассировавилонский), санскрит (древнеиндийский), китайский и другие⁹. Митрополит Вениамин сохранил воспоминания о том, как Василий Быстров, получая от родителей на каникулах не более рубля, клал эти деньги «в карман пиджака и не тратил до ближайших каникул. А перед отъездом домой покупал какой-нибудь иностранный словарь и в дороге начинал уже изучать его... Он знал 11 языков»¹⁰.

С этого времени учеба будущего архиерея стала приносить все большие и большие плоды. Одаренность незаурядными способностями в сочетании с усердием и прилежанием к наукам обеспечила ему первенство среди сокурсников и в академии. Нельзя исключать из внимания и тех условий, в которых студент Быстров формировался как ученый-богослов.

Наиболее вероятно предположить, что любовь к языкам зародилась у Быстрова под влиянием профессора С.-Петербургской Духовной Академии, всемирно известного церковного историка Василия Васильевича Болотова, поражавшего всех своей эрудицией. «С особым теплом и вниманием относился он к юному Василию. На одной семестровой работе Быстрова Василий Васильевич поставил ему балл «5+++»—до такой степени она была хорошо написа-

на! Но чтобы не любоваться этим, Быстров уничтожил ее»¹¹. Среди других известных ученых, чьи лекции довелось ему слушать, были Н. Н. Глубоковский, А. П. Лопухин и другие.

Заканчивая курс Духовной Академии, Василий Быстров сосредоточил свое внимание на специализации по кафедре Библейской истории. Под руководством одного из лучших знатоков ветхозаветного текста, ординарного профессора этой кафедры, доктора богословия Федора Герасимовича Елеонского он написал диссертацию на тему: «Тетраграмма, или ветхозаветное Божественное имя Иегова»¹², которая до сего дня рассматривается как «серьезный вклад в богословскую литературу»¹³. Получив за это исследование научную степень кандидата богословия, выпускник академии Василий Быстров был поощрен и денежной премией. «Согласно представлению комиссии по присуждению денежных наград за лучшие кандидатские сочинения студентов IV курса Академии, окончивших курс в 1896 году, выдать награду за сочинения кандидатам: Василию Быстрову премию митрополита Иосифа (165 рублей)»¹⁴. Это была самая высокая премия, присуждавшаяся по таким поводам. Она превышала в три раза размеры других премий. Так, например, Николай Сагарда, окончивший Академию вместе с Василием Быстровым, был удостоен поощрения «из процентных денег с юбилейного капитала» в размере 50 рублей¹⁵.

Кроме того, высокую оценку первому научному труду будущего ученого-архиерея дал профессор Ф. Г. Елеонский в своем отзыве на «Тетраграмму»: «Сочинение г. Быстрова представляется заслуживающим не только присуждения автору степени кандидата богословия, но и допущения, при некоторых изменениях и дополнениях, к соисканию степени магистра. Во всяком случае этот труд заслуживает особенного внимания со стороны Духовной Академии»¹⁶.

шался к мнению заслуженного профессора, и кандидат богословия Быстров Василий был оставлен при академии профессорским стипендиатом по кафедре Библейской истории¹⁷ с правом переработать кандидатское сочинение в магистерскую диссертацию.

От ученичества к учительству

Свои труды в С.-Петербургской Духовной Академии молодой богослов продолжил преподаванием курса Библейской истории. «В своих занятиях за 1896/97 академический год,—писал в отчете о проделанной работе профессорский стипендиат Василий Быстров,—я имел в виду познакомить как с общим курсом Библейской истории, так и с некоторыми частными вопросами его»¹⁸.

Однако, как видно из дальнейшего содержания этого отчета, работа, проделанная Быстровым, должна быть названа не «знакомством» с общим курсом предмета, а глубоким и основательным исследованием всех доступных ему источников древней и современной литературы, как отечественной, так и иностранной. Причем, две трети всей использованной им литературы составляют работы иностранных исследователей (более двадцати источников)¹⁹. Такой подлинно научный принцип в подходе к критическому исследованию любого вопроса красной нитью пройдет через все богословские труды ученого архиерея,

После предоставления стипендиатского отчета Василий Быстров был избран исполняющим должность доцента академии по той же кафедре Библейской истории, чему предшествовал выход в отставку профессора Елеонского²⁰. Литографированная копия рукописных лекций молодого ученого хранится в фондах библиотеки С.-Петербургской Духовной Академии.

Но доцент академии Быстров не ограничивался одним лишь предметом Библейской истории. Знание языков он исполь-

звал для дальнейшего самообразования, тщательно изучая творения святых отцов. Первоначально он записывал в свой дневник собственные размышления по поводу тех или иных событий, апеллируя к святоотеческому опыту боговидения. Но чем дальше он вел свой дневник, как вспоминает митрополит Вениамин, тем больше «увеличивались выписки из святых отцов, так что в конце его епископ Феофан выписывал одни выдержки из них»²¹. Безусловно, это наглядно свидетельствует о том, что его внутреннее состояние полностью соответствовало опыту святых отцов и подвижников. Вероятно и то, что такое близкое сродство со святоотеческим наследием привело Василия Быстрова к убеждению практически приобщиться к опыту святых тайнозрителей, руководствуясь на этом опасном пути углубленным изучением их творений.

Все, кто знал владыку Феофана, единодушно вспоминают о его энциклопедических знаниях святоотеческого эпистолярного и агиографического наследия, благодаря которым в своем богословии он «настаивал на исключительном следовании святым отцам»²². Наиболее ярким, а оттого и удивительным (в контексте будущей богословской полемики архиепископа Феофана с митрополитом Антонием (Храповицким), является признание митрополита Антония. Передавая свою духовную дочь в дальнейшее руководство владыке Феофану, он свидетельствует, что Высокопреосвященный архиепископ-аскет «лучше всех знает отцов»²³. «Действительно, он был напитан ими»²⁴, — прибавляет митрополит Вениамин, который в свое время, живя бок о бок с архиепископом Феофаном, также пользовался его духовным водительством.

Приняв твердое решение в определении своего дальнейшего жизненного пути, Василий Быстров получил на то благословение митрополита Антония (Вадковского), который, среди прочего, спросил его о том,

какое имя хотел бы он получить при постриге. Ответ Василия Дмитриевича соответствовал серьезности его отношения к монашеству. Он сказал, что желает начать этот путь с отречения от своей воли. Но здесь его уловил мудрый митрополит, сказав: «Хорошо! Так вот Вам первое послушание: скажите, какое имя Вы хотели бы получить?»²⁵. Во исполнение благословения, Василий сказал, что хотел бы носить имя Феофана, Вышенского Затворника. Тем самым он избрал образ иноческого жития по примеру святителя Феофана, который мудро сочетал молитвенно-аскетический подвиг и богословие. Как увидим, архиепископ Феофан проведет последние дни своей жизни в затворе, повторяя подвиг Вышенского Затворника.

Вскоре после пострига, который состоялся 21 ноября 1898 года, монах Феофан был рукоположен в сан иеродиакона, а затем и иеромонаха (6 декабря того же года)²⁶. Приближалось время административного служения своей alma mater.

Смена столетий для С.-Петербургской Духовной Академии сопровождалась переменами в ее руководстве. Инспектор академии архимандрит Сергей (Страгородский) был назначен ректором с возведением в сан епископа. Иеромонах Феофан был возведен 28 января 1900 года в сан архимандрита и назначен исполняющим обязанности инспектора²⁷. Митрополит Антоний, вручая посох новопоставленному архимандриту-инспектору, сказал: «Неси возложенное на тебя послушание с кротостью и терпением, ища не своего личного блага, а благаверяемых тебе питомцев общей нам матери-академии»²⁸. Став с этого времени «ближайшим помощником по академии ее Преосвященного ректора епископа Сергея (Страгородского), впоследствии Святейшего Патриарха Московского и всея Руси»²⁹, архимандрит Феофан прекрасно понимал, что «школа любая — это формирование человека. Школа духовная — созидание ду-

ховности в человеке, подчинение духу для стремления к полноте и счастью земного бытия в преддверии вечной жизни, в раскрытии истины Божественного откровения»³⁰. И эта цель успешно достигалась инспектором-аскетом, благодаря его совершенным знаниям святоотеческого наследия, которым он сам постоянно руководствовался как в богословии, так и в исполнении своих административно-педагогических обязанностей.

Именно за такую цельность его личности и уважали отца Феофана его коллеги и любили студенты. Митрополит Вениамин (Федченков), учившийся в то время в академии, вспоминает в одной из своих книг: «... в академии все мы... были под сильным влиянием аскета-инспектора, архимандрита Ф(еофана)»³¹. А в другом месте владыка Вениамин поясняет причину столь сильного впечатления, производимого инспектором на студентов. Его «ежедневные посещения богослужений. Стояние в алтаре за шкафом, чтобы не видели его. Постоянное присутствие на обедах и ужинах в студенческой столовой»³², — учили их не голой теорией и жестким требованием исполнения распорядка академии, а личным примером искренней жизни отца Феофана. «Иногда он в полутьме (после вечерних молитв — А.Б.) говорил нам речи-проповеди. Они всегда были глубоки богословски и мистичны по содержанию»³³, что побуждало слушателей к прилежанию в науках и стремлению применить получаемые знания в личном духовном опыте.

Исполняя должность инспектора академии, архимандрит Феофан также исполнял должность доцента по той же кафедре Библейской истории. Разделяя курс на два полугодия, он «в течение первой половины читал лекции по Ветхозаветной библейской истории, а в течение второй — излагал Откровенное Царство Божиим»³⁴, к достижению которого его

Утверждение в должности инспектора академии требовало от архимандрита Феофана формального свидетельства об углублении его научных знаний. Этим и объясняется тот факт, что четыре года отец архимандрит был лишь «исправляющим» эту должность. Только в 1905 году он был удостоен степеней магистра богословия за переработанную диссертацию «Тетраграмма, или ветхозаветное Божественное имя Иегова», возведен в звание экстраординарного профессора и утвержден инспектором академии»³⁵.

Изучив этот период истории С.-Петербургской Духовной Академии, архиепископ Выборгский Кирилл (ныне митрополит Смоленский и Калининградский) замечает: «... к чести выдвинувшихся в то время в руководство СПбДА представителей так называемого ученого монашества следует сказать, что, благодаря своим личным качествам и высокому научному авторитету, многие из них стали выдающимися организаторами и руководителями отечественного богословского образования»³⁶. При этом он ставит имя архимандрита Феофана вслед за епископом Антонием (Вадковским), епископом Сергием (Страгородским) и епископом Сергием (Тихомировым).

Неординарность личности архимандрита Феофана, естественно, притягивала к нему студентов. Многие называли его настоящей «ходячей энциклопедией всех богословских знаний и всего того, что касалось внутренней духовной жизни христианина»³⁷. Поэтому студенты обращались к нему как с вопросами богословского характера, так и за духовным руководством. В качестве наиболее яркого примера можно указать на имя митрополита Вениамина (Федченкова), который, будучи студентом С.-Петербургской Академии, исповедовался у этого ученого духовника. Примечательно, что отец Феофан, с каким бы вопросом к нему ни обращались, всегда «избегал говорить что-либо от «себя», но тотчас ходил к свое-

му книжному шкафу, в котором хранились неоценимые и столь любимые им с юности сокровища — святоотеческие творения, мгновенно находил точный и нужный ответ в той или иной книге на поставленный ему вопрос, и посетитель уходил от него глубоко удовлетворенный тем, что получил авторитетное решение мучившего его вопроса»³⁸. Такой подход к богословствованию будет насквозь пронизывать все его сочинения, сообщая им тем самым еще больший авторитет.

Благодаря уникальному дарованию отца инспектора, вокруг него стал сплачиваться кружок студентов, научившихся от него любви к творениям святых отцов. Серьезное изучение их эпистолярного наследия на заседаниях кружка, которые чаще всего проходили на квартире инспектора (в этом же здании Академии³⁹) началось с анализа творений святителя Иоанна Златоуста, поэтому кружок был назван Златоустовским. Такое начинание не встретило среди студентов всеобщего понимания, и многие из них с иронией называли последователей отца инспектора «феофанитами». Митрополит Вениамин объясняет происхождение этого прозвища тем, что все знали, как «любили мы и чтили отца Феофана»⁴⁰, почему никто из почитателей инспектора не обижался на эту иронию.

А не любить своего учителя его единомышленники-студенты не могли, ведь он помогал понять не только букву, но и проникнуться духом опытных боговидцев. Значение «златоустовского» кружка открылось очень скоро, когда в годы обновленческой смуты его участники, сформировавшие под руководством архимандрита Феофана православное отеческое мировоззрение, устояли перед соблазном отпадения от Церкви.

Духовник Царской Семьи

1905 год ознаменовался для архимандрита Феофана еще одним немаловажным событием в его жизни. В дневнике им-

ператора Николая II от 13(26) ноября читаем: «Принял архимандрита Феофана, инспектора С.-Петербургской Духовной Академии»⁴¹. Знакомство еще довольно молодого архимандрита с царственным домом состоялось через семью Великих Князей Петра Николаевича и Николая Николаевича, о чем свидетельствует протопресвитер Георгий Шавельский: «В начале нашего столетия огромной популярностью в высших благочестивых кругах г. Петербурга пользовался инспектор СПб Духовной Академии архимандрит (1901-1909 гг.), а потом (1909-1910 гг.) ее ректор—епископ Феофан (Быстров). Большой аскет и мистик, он скоро стал известен при дворе, где увлечение мистицизмом было очень сильно. Первой из высочайших особ близко познакомилась с отцом Феофаном Великая Княгиня Милица Николаевна, жена Великого Князя Петра Николаевича, живо интересовавшаяся всякими богословскими вопросами, затем вся семья Великого Князя Николая Николаевича и, наконец, Царская Семья»⁴². Тот факт, что очень скоро после этого знакомства отец Феофан стал духовником Всероссийского Императора и его Семьи, является немаловажным свидетельством тому, какое впечатление произвела на окружающих выдающаяся личность ученого-аскета.

В будущем, уже за пределами своей Родины, архимандрит Феофан будет вспоминать «с великим умилением, как он совершал по будним дням во дворцовом храме Литургию, а Государыня Императрица и четыре Великих Княжны сами пели на клиросе всю Литургию и исповедовались всегда со слезами»⁴³. О том, какое влияние оказывал отец Феофан на духовное состояние Императорской Семьи, можно предположить на основании изданных недавно брошюр с выписками из творений святых отцов, сделанными Императрицей Александрой Федоровной⁴⁴. Как видно, архимандрит Феофан и здесь был верен своему при-

нпипу учительства и духовничества: святые отцы—верный путь жизни христианина.

Забывая о духовном здоровье Их Высочеств, архимандрит Феофан не оставлял своих научно-педагогических трудов. Будучи инспектором Высшей духовной школы С.-Петербурга, он в известные периоды ее жизни принимал на себя полное управление ею⁴⁵. Так, «Русский паломник» сообщал своим читателям: «Во главе академии ныне, в качестве исполняющего обязанности ректора, архимандрит Феофан (Быстров), известный как строгий сторонник православной церковности, как глубокий аскет и носитель святоотеческих преданий»⁴⁶.

Этот период жизни отца Феофана чаще других из всей его биографии встречается в исторических исследованиях и очерках, главным образом посвященных Царской Семье. При этом, как правило, ставится на вид тот факт, что посредством архимандрита Феофана Семья последнего Российского Императора оказалась под влиянием Григория Распутина. «И как-то приглашенной,—замечает один современный историк,—без акцентов, «доказывается» обычно история о том, как царский духовник впал в немилость из-за своего «протеже»⁴⁷. Наша же цель в рассмотрении данного пункта биографии будущего архиепископа состоит в том, чтобы на основании различных, порой противоречивых, свидетельств внести необходимые черты в составление объективного портрета его незаурядной личности.

Все современники тех событий единодушно указывают на одну причину, послужившую основанием известной дружбы архимандрита Феофана с Распутиным: «он всегда искал каких-нибудь «святых» — живых»⁴⁸. И ему, как человеку «высокой подвижнической жизни, Распутин показался религиозно-значительной, духовно настроенной личностью»⁴⁹, так что сам он говорил о нем: «...человек с необычайной

нансов В. Н. Коковцева, что Распутин «доходил до такого глубокого молитвенного настроения», которое архимандрит Феофан «встречал в редких случаях среди наиболее выдающихся представителей нашего монашества»⁵⁰. При этом другой очевидец замечает, что нет данных утверждать, чтобы слава Распутина, как подвижника, раздувалась бы в этот период времени искусственно... Распутин... вероятно, обладал действительно какими-либо качествами и особенностями, выдвинувшими его на поверхность и заставившими говорить о нем. Этот слух дошел и до столицы России»⁵¹.

Есть несколько несогласующихся до конца свидетельств о том, как произошло знакомство архимандрита Феофана с Распутиным. По одному из них, инспектор С.-Петербургской Академии «не раз» ездил к нему на родину в Сибирь, «почитая его за праведника»⁵². Но об этом ничего не говорил близкий в ту пору к отцу Феофану митрополит Вениамин (Федченков). Напротив, он утверждает, что Григорий Распутин, побывав в Казани, «познакомился с монахами-профессорами и студентами Духовной Академии и произвел на них сильное впечатление. Они порекомендовали ему отправиться в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, где тогда ректором был епископ Сергей, а инспектором—известный по своей подвижнической жизни и учености архимандрит Феофан. Оба эти человека были безукоризненно честные люди, глубоко религиозные монахи, пользовавшиеся заслуженным авторитетом в церковных кругах, а отец Феофан—уже и в некоторых великосветских как духовник и богослов. К ним в Казанской Академии дали сопроводительное письмо Распутину»⁵³. С этим свидетельством согласно и замечание Спиридовича о том, что именно «в Казани родилась слава Распутина»⁵⁴.

И если обычно мы встречаем утверждение о том, что архимандрит Феофан привлек к себе Распутина, увидев в нем конкретный

образ «раба Божия», «святого человека»⁵⁵, то князь Жевахов считает, что это Распутин склонился «перед высотой нравственного облика архимандрита Феофана, исключительной настроенности и огромного авторитета», имевшего «большое влияние на студентов академии» и производившего «на окружающих сильнейшее впечатление»⁵⁶.

Необходимо, однако, сказать, что при всем авторитете отца Феофана его столь близкое общение с Распутиным было оценено многими видными людьми как близорукость. Жена Д. Мережковского З. Гиппиус вспоминала: «Епископ Феофан был монах редкой скромности и тихого, праведного жития. Помню его, маленького, худенького, молчаливого с темным, строгим личиком, с черными волосами, такими гладкими, точно они были приклеены. Но он смотрел «горё», поверх человека, — где ему распознать было сразу хитрого сибирского мужичонку»⁵⁷.

Другой очевидец этих событий объясняет феномен Распутина состоянием всего вообще общества того времени. «Спокойной, здоровой религиозностью в этом обществе тогда не удовлетворялись, как вообще в жизни, так и в религии тогда искали острых ощущений, чрезвычайных знаний, откровений, чудес, — вспоминает протопресвитер Георгий Шавельский. — Светские люди увлекались спиритизмом, оккультизмом, а благочестивые епископы, как Феофан и Гермоген, все отыскивали особого вида праведников, вроде Мити Гугнивого, Дивеевской «провещательницы», Ялтинской матушки Евгении и т.п. Распутин показался им отвечающим требованиям, предъявляющимся к подобного рода праведникам»⁵⁸.

При общей справедливости свидетельства отца Георгия Шавельского, мы полагаем, что было бы более объективно объяснить эту близорукость архимандрита Феофана «необыкновенной нравственной чистотой

его, благодаря которой он не понял, что за человек этот Григорий»⁵⁹.

Существуют различные мнения и относительно роли архимандрита Феофана в проникновении Распутина в Императорскую Семью. Митрополит Вениамин, непосредственно наблюдавший происходившие события, отрицает прямое участие своего духовника в этом деле. «В некоторых кругах, — пишет он, — думали, будто архимандрит Феофан сам привел Распутина в царский дворец. Это неверно. Он познакомил его, разумеется, как человека Божия, с одной великокняжеской семьей, ему близко знакомой духовно. А оттуда его уже познакомил со дворцом царя»⁶⁰. Уточнения этому свидетельству мы находим в «Воспоминаниях последнего протопресвитера Русской армии и флота» отца Георгия Шавельского, Он пишет, что архимандрит Феофан «был очарован «духовностью» Григория... и познакомил его с великой княгиней Милицей Николаевной. Распутин стал посещать дом великого князя Николая Николаевича... Обе сестры, великие княгини, были тогда в большой дружбе с молодой императрицей, еще более их мистически настроенной. Они ввели в Царскую Семью нового «пророка» и «чудотворца» Григория Распутина»⁶¹.

Искреннее отношение к Распутину дало повод отцу Феофану сомневаться в правдивости первых слухов о его личной жизни. Но чувство ответственности за духовное состояние Императорской Семьи превозмогло личные отношения и побудило царского духовника проверить некоторые факты. Владыка Феофан (к тому времени он был возведен уже в епископский сан с назначением на ректорство академии) увещал Распутина «изменить образ жизни, но это было уже поздно, он шел по своему пути, — с сожалением вспоминает митрополит Вениамин. — Епископ Феофан был у царя и царицы, убеждал их уже быть осторожными в отношении Г.Е. (Григория Ефимовича Распутина—А.Б.), но ответом было раз-

дражение царицы...»⁶². После обнаружения документальных фактов о порочности Распутина отношения епископа Феофана с ним были разорваны, что произошло в начале 1910 года, как свидетельствует об этом епископ Саратовский Гермоген: «В начале 1910 года... я получил письмо от владыки Феофана. В письме этом последний сообщал мне, что Григорий Распутин оказался совершенно недостойным человеком. Владыка приводил мне целый ряд фактов, порочащих Распутина как человека развратной жизни»⁶³.

Говоря о разоблачении Распутина, князь Жевахов замечает: «Как первыми побежали навстречу Распутину лучшие, наиболее религиозные люди, так теперь эти же люди первыми выступили против него, охваченные негодованием и горечью разочарования. Более всех страдал, конечно, епископ Феофан»⁶⁴. Безусловно, он понимал, что разоблачение Распутина обнажит его ошибку, что в свою очередь скажется на его духовном авторитете во Дворце. Вполне вероятно и то, что владыка мог предвидеть безуспешность своей миссии ввиду сильнейшего влияния Распутина на семью императора. Но и здесь он предпочтет верность истине. В 1911 году епископ Феофан обратился к Священному Синоду с предложением выразить императору официальное недовольство безнравственным поведением Распутина. Но Синод определил это делом духовника Царской Семьи. (Подобная ситуация сложилась у епископа Феофана в эмиграции, когда он после личных стараний убедить митрополита Антония (Храповицкого) в его догматических заблуждениях обратился в Синод Русской Православной Церкви Заграницей дать официальный ответ по поводу его сочинения «Догмат искупления»).

Любопытным является собственное мнение епископа Феофана о Распутине, которое он высказал чрезвычайной комиссии Временного правительства: «Он (Распутин) не Минский Духовный Академик был

истинным человеком Божиим, явившимся из простого народа. Но под влиянием высшего общества, которое не могло понять этого простого человека, произошла ужасная духовная катастрофа, и он пал. Окружение, которое хотело, чтобы это случилось, оставалось равнодушным и считало все происшедшее чем-то несерьезным»⁶⁵. Показательным является и тот факт, что эта «специальная комиссия, назначенная Временным правительством с В.М Рудневым во главе в 1917 году, официально установила полную непричастность владыки Феофана ко всей этой так называемой «распутиншине»⁶⁶.

Ректор—епископ

Как было уже сказано выше, архимандрит Феофан неоднократно исполнял обязанности ректора академии еще в свою бытность инспектором С.-Петербургской высшей духовной школы. Причем, в последний раз замещать ректора ему пришлось почти целый год.

После освобождения епископа Сергия (Тихомирова) от должности ректора С.-Петербургской Духовной Академии в связи с назначением его помощником начальника Российской Духовной Миссии в Японии на освободившуюся вакансию Совет Академии избрал экстраординарного профессора магистра богословия протоиерея Т. А. Налимова. Но, несмотря на утверждение своего избрания Святейшим Синодом, он взял самоотвод. «Вследствие этого архимандрит Феофан, вступивший в исправление должности ректора на основании параграфа 33 академического устава непосредственно за уходом Преосвященного Сергия, т.е. с 31 марта 1908 года, продолжал нести ректорские обязанности и далее, вплоть до назначения его на должность ректора Святейшим Синодом»⁶⁷.

Вполне возможно, что столь продолжительная отсрочка назначения нового ректора

связана с формальными требованиями к административным должностям академии. Устав 1869 года определял, что «ректор назначается Святейшим Синодом, но должен был иметь непременно высшую ученую степень доктора богословия и преподавать один из предметов академического курса»⁶⁸. Однако высокий научный авторитет архимандрита Феофана среди его коллег-профессоров позволил сделать исключение из тех правил. Профессор протоиерей С. Соллертинский в «Опыте исторической записки о состоянии С.-Петербургской Духовной Академии» замечает: «... что касается до представителей высших должностей второстепенного класса—до отцов ректоров т.е., то бесспорно, что ученая образованность является наиболее прямой и прочной внутренней основой для права их быть начальниками»⁶⁹.

Указ Святейшего Синода за № 1361⁷⁰ о назначении инспектора Академии магистра богословия архимандрита Феофана на вакантную должность ректора последовал 4 февраля 1909 года. Это служение ученого-ректора продлилось немного—чуть больше года⁷¹ и ознаменовалось значительным событием в его жизни. Шестого февраля «Государь Император ... Высочайше утвердить соизволил всеподданнейший доклад Святейшего Синода о возведении ректора С.-Петербургской Духовной Академии архимандрита Феофана в г. С.-Петербурге в сан епископа Ямбургского, четвертого викарія С.-Петербургской епархии»⁷².

Наречение отца Феофана было совершено «в субботу 21 февраля в зале заседаний Святейшего Синода в присутствии Г. Обер-Прокурора Святейшего Синода, тайного советника С.М. Лукьянова и прочих чинов центрального управления ведомства Православного Исповедания»⁷³. Среди совершавших чин наречения были священномученик Владимир (Богоявленский), занимавший в ту пору Московскую кафедру, С.-Петербургский митрополит Антоний

(Вадковский), будущий Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский), управляющий тогда Финляндской кафедрой. Они же совершили епископскую хиротонию будущего «затворника» в Троицком соборе Александро-Невской лавры в воскресенье 22 февраля⁷⁴.

Архиепископ Аверкий (Таушев) обращает внимание на тот факт, что отец Феофан был возведен в епископский сан в день памяти святителя Григория Паламы (вторая неделя Великого поста)⁷⁵. Это указывало на сходство судеб двух Святителей: обоим епископам пришлось много потрудиться, отстаивая догматическое учение Православной Церкви. Уже сама речь архимандрита Феофана при наречении его во епископа имела догматическую окраску. Отметив в начале, что сам он «никогда не увлекался общественным служением и не искал его, и даже, по мере возможности, уклонялся от него», нареченный епископ в дальнейших словах исповедал глубину своей веры в Пресвятую Троицу и Ее Промысл: «И если, несмотря на такое мое настроенное, я призываюсь к этому служению, то верю, что на это есть действительно воля Божия, и что ко мне через стечение видимых обстоятельств невидимо глаголет Сам Господь, властно повелевающий мне воспринять на себя бремя нового служения... Я наблюдаю в себе непрестанную борьбу жизни и смерти в области существования и естественного и благодатно-духовного. О, как тяжела бывает временами эта борьба во мне, но да будет за нее благодарение Господу!.. Она глубоко укоренила в моем сердце ту спасительную истину, что сам по себе я—ничто, а все для меня—Господь. Он—моя жизнь, Он—моя сила, Он—моя радость. Отец, Сын и Святой Дух, Троица Святая и Преестественная, Божественная и обожествляющая всякое разумное бытие, неустанно и с любовью ищущее Ее и взирющее на Нее. К этой Преестественной Троице и в настоящее знаменательное для меня время, с верой и любовью горé обра-

щаю я свой духовный взор... Глубоко верю, что, как некогда на Апостолов сошел в виде огненных языков Святой Дух, от Отца через Сына исходящий, и на них невидимо почил и претворил их немощь в силу, так точно снизойдет Он и на мое ничтожество и укрепит мою немощь. Усердно и смиренно прошу вас, богомудрые архипастыри...вознесите и вы о мне священную молитву ко Святой Троице, да преизобильно облечет Она меня всеми дарованиями, потребными для нового служения; да отверзет ум к разумению Божественных Тайн, да укрепит волю к совершению дел Божиих, да воспламенит сердце мое огнем всеоживляющей Любви Божественной... И да будет все мое служение и вся моя жизнь во славу Триединого Господа, Которому Единому подobaет всякая честь и поклонение во веки веков! Аминь»⁷⁶.

Митрополит Вениамин (Федченков) назвал эту речь единственной в своем роде. Он совершенно точно указал и на то «главное, что отличает эту речь: это и вера в Пресвятую Троицу—от Нее все в мире! Вся мысль нарекаемого кружится около Троицы! Он Ею живет, радуется и ждет благ... Так может говорить только тот, который живет Ею! Здесь—сущность жизни отца Феофана»⁷⁷. И уже в этой речи он, как бы предвидя свое будущее призвание к охранению чистоты главнейшего православного догмата о спасении, на первое место среди испрашиваемых дарований, «потребных для нового служения», ставит отвержение ума «к разумению Божественных Тайн».

По окончании хиротонии возглавлявший ее С.-Петербургский митрополит Антоний (Вадковский), вручая жезл новопоставленному епископу Феофану, произнес речь⁷⁸, в которой отмечал: «... Вместе со всеми архипастырями, рукоположившими тебя ныне в сан епископа, приветствую тебя, новорукоположенного архиерея, и молюсь тебе, Господь, да сотворишь тебя делателя на Мисской Духовной Академии»⁷⁹.

слово Христовой Истины. Своих учеников Господь научил понимать, что Он в Себе Самом даровал им радость и жизнь, которых никто отнять не может... Тебе, брат возлюбленный, ведомо эта жизнь во Христе и со Христом... В сей жизни пребывай, в сей радости преуспевай. Благодать Божия, в архиерейском рукоположении на тебя сошедшая, да укрепит тебя в сей жизни и да утвердит и да сотворит тебя в живом общении со Христом, приносяща плод мног...»⁷⁹. Как видно, эта речь пронизана глубоким уважением Первенствующего члена Священного Синода к новому епископу.

Свою любовь и радость принесли епископу Феофану и его ученики—«феофанить». От имени Златоустовского кружка поздравлял владыку Сергей Виноградов, который «сравнил его со святым архиепископом Солунским Григорием Паламой»⁸⁰.

Ректорские труды теперь уже епископа Феофана продолжались. Положение духовных школ того времени было чем-то похоже на современное их состояние—ожидание реформ. С назначением нового ректора С.-Петербургской Духовной Академии в 1909 году «указом Святейшего Синода от 4 февраля отменены «Временные Правила» по управлению Духовными Академиями»⁸¹, ввиду чего была образована специальная Синодальная комиссия⁸² по выработке нового Устава Духовных Академий. Епископ Ямбургский Феофан трудился в ней наряду с архиепископом Финляндским Сергием (Страгородским), архиепископом Псковским Арсением, архиепископом Вольнским Антонием (Храповицким), с которым ему впоследствии будет предстоять серьезная догматическая полемика.

Кроме того, свою богословскую эрудицию Преосвященный ректор применял, будучи «цензором академических журналов «Церковный Вестник» и «Христианское чтение», а также состоя Председа-

телем Комиссии по старокатолическому и англиканскому вопросам»⁸³. Последняя была образована в 1892 году «для предварительного выяснения условий и требований, какие могли бы быть положены в основу переговоров о соединении старокатоликов с Православной Русской Церковью»⁸⁴. Понятно, что вопрос, поставленный перед комиссией, требовал от всех ее членов (а от ее председателя по преимуществу) глубоких знаний догматического учения Православной Церкви, истории развития ее канонического права и других аспектов православного вероучения.

Год спустя труды епископа Феофана будут отмечены орденом Святого Владимира третьей степени⁸⁵ (три года раньше, тогда еще архимандрит Феофан, был награжден орденом Святого Владимира четвертой степени⁸⁶). Эти награды не были случайны, как показывает целый ряд исследований по истории С.-Петербургской Духовной Академии. Некоторые данные из них уже приводились нами выше. Кроме того, в статье, посвященной 175-летию Ленинградской Духовной Академии, А. И. Чижов, говоря об уровне образования, которое давала С.-Петербургская богословская школа своим питомцам, и, указывая на достижения главного делания академии — «созидание православного богословия», приводит ряд выдающихся деятелей богословской науки. Среди таких имен, как «митрополит Макарий (Булгаков, +1882), епископ Феофан Затворник (Говоров, +1894), протоиерей Евгений Аквилонов, В. В. Болотов, А. И. Бриллиантов, Н. Н. Глубоковский», автор исследования поставляет и имя архиепископа Феофана (Быстрова, +1940)⁸⁷. Неоспоримо, что состояние любой организации зависит от ее возглавителя. Говоря о периоде ректорства владыки Феофана, многие исследователи утверждают, что «Петербургская Духовная Академия находилась тогда в расцвете»⁸⁸.

Проявляя заботу об академии в целом, ее ректор обращал пристальное внимание и на каждого студента в отдельности. Заслуженный профессор протоиерей Михаил Кронидович Сперанский «часто вспоминал дни своего первого приезда в Петербург; первое посещение своей будущей alma mater... неожиданную встречу в академическом саду с тогдашним ректором С.-Петербургской Духовной Академии епископом Феофаном (Быстровым). Высокообразованный человек, Преосвященный Феофан отличался вместе с тем простотой в общении, он принял живое участие в судьбе одаренного юноши»⁸⁹.

Обучение в Духовной школе, как правило, связано с определением каждым студентом своего будущего жизненного пути. И владыке Феофану, как ректору, приходилось рассматривать и налагать резолюции на многие прошения о пострижении в монашество. Он всегда лично встречался с подателем такого прошения и подолгу беседовал, испытывая искренность его намерения. Но порой он отказывал в пострижении даже тем, кто был искренно настроен, но не до конца понимал сущность монашества. Сохранилось воспоминание о том, что владыка ректор «тем, которые на его вопрос, с какой целью желают они принять иночество, отвечали, что они желают «послужить Церкви Христовой», он обыкновенно говорил, что для этого совсем не обязательно принимать иноческое звание, что можно послужить Церкви и не давая иноческих обетов. Единственным основанием для принятия монашества владыка Феофан считал искреннее и глубокое желание «спасти свою душу»⁹⁰. В этом состоит еще одно различие воззрений епископа Феофана и митрополита Антония (Храповицкого), который, как известно, будучи ректором сначала С.-Петербургской, а затем Московской Духовной Академии, совершил очень большое число постригов, без особой строгости относясь к каждому индивидуальному случаю.

Отношение епископа Феофана к монашеским настроениям студентов находит оправдание в его личном аскетическом образе жизни. Истинный инок, он никогда не оставлял келейного правила. «В исполнении этих правил, — вспоминает митрополит Вениамин, — он был так тверд, что если почему-либо не мог вычитать их стоя, то становился на колени. А иногда и лежа перед иконами читал»⁹¹, обычно во время болезни. Дополняя это свидетельство, архиепископ Аверкий писал: «Видно было по нему, что он никогда не оставлял заветной святыни отцами-подвижниками умно-сердечной молитвы... Молитва непрестанная была подлинно насущной потребностью его духа, жившего в горних высотах»⁹².

Молитвенный подвиг епископа-аскета нашел осмысление и в его богословских воззрениях. Известен один его труд — «Сотница глав о молитве». Это сочинение, вопреки своему обычаю хранить личную духовную жизнь в тайне, он прочитал митрополиту Вениамину. Главное, что хотел показать епископ Феофан в этой «Сотнице», состоит в том, что «молитва очень действительна в бедах и скорбях наших, молитва привлекает милость Божию, молитва отгоняет бесов, молитва просвещает разум»⁹³. Эти утверждения вынесены Преосвященным молитвенником из личного опыта. Нельзя не заметить, насколько схожи эти высказывания с осмыслением молитвенного подвига в аскетических сочинениях преподобного Нила Синайского, преподобного Никиты Стифата, преподобного Иоанна Кассиана Римлянина, святителей Григория Паламы, Иоанна Златоуста и многих других делателей умной молитвы. Отличием можно назвать лишь больший акцент, который епископ Феофан делает на роли молитвы в познании догматических истин просвещенным в богообщении разумом.

Будучи сам богословом-практиком Преосвященный Феофан старался привить такую же любовь к молитве и своим коллегам Минской Духовной Академии

и своим подопечным студентам, о чем свидетельствуют его искренние проповеди. Так, обращаясь к выпускникам академии 1908/1909 учебного года после благодарственного молебна, он в своей речи «старался показать важное значение в жизни теплой, искренней и вместе простой, детской веры, которая одна дает человеку величайшее и неизменное благо — общение с Богом, сообщая смысл и другим человеческим ценностям, между прочим и просвещению»⁹⁴. И это не единственный пример подобного рода его проповедей. Во время празднования 100-летия со дня основания С.-Петербургской Духовной Академии ее ректор «за литургией произнес слово об усвоении истины посредством веры и благодати»⁹⁵.

Самоотверженные труды Преосвященного владыки ректора справедливо привлекали внимание высшего священноначалия. И за заслуги перед Церковью епископ Феофан «в январе 1910 года переименован во второго викария»⁹⁶ С.-Петербургской епархии. Но напряженная церковно-административная и научно-богословская работа, сочетаемая со строгим аскетическим образом жизни подрывали его здоровье. Говоря о подвиге жертвенного служения ректора-монаха, «Русский паломник» писал: «В Духовной Академии, осветив духовно-нравственную атмосферу среди студенчества, Преосвященный Феофан создал целое направление, в своем роде школу «феофанитов», высоко подняв в общем строе церковное направление. Болезненное состояние здоровья ученого владыки-аскета заставляло его часто покидать академию и лечиться на юге»⁹⁷. Но здоровье его могло улучшаться лишь на непродолжительное время, т.к. с возвращением в Петербург епископ Феофан приступал к прежним напряженным трудам. Благодарную память о своем ректоре-богослове С.-Петербургская Академия засвидетельствовала утверждением его своим почетным членом сразу после перевода епископа Феофана на Таврическую кафедру⁹⁸.

Отдав тринадцать лет служению С.-Петербургской Духовной Академии, владыка Феофан получил указ от 19 ноября 1910 года о назначении его «епископом Таврическим и Симферопольским», викарием Полтавской епархии⁹⁹. Некоторые недальновидные составители его жизнеописания, стараясь своими неумеренными усилиями умножить заслуги последнего Российского Императора, называют этот перевод епископа Феофана осуществившемся «заботами Царского Семейства»¹⁰⁰. Однако, очевидец тех событий протопресвитер Георгий Шавельский приводит диаметрально противоположное объяснение назначению викария С.-Петербургской епархии на далекую Таврическую кафедру: «Рассорившийся с Распутиным епископ Феофан был удален в провинцию и оставался в царской немилости»¹⁰¹.

Управление южной епархией не было продолжительным. 25 июня 1912 года¹⁰² Преосвященный Феофан был отправлен в «почетную ссылку»¹⁰³ в Астрахань «по той же самой причине»¹⁰⁴. Этот перевод был губителен для слабого здоровья епископа. Он был вынужден выезжать в пределы «южных губерний России, надеясь пребыванием в сухом климате укрепить свое здоровье»¹⁰⁵.

Астраханская паства расположилась к своему новому епископу с первого дня. Совершенно особое и неожиданное чувство охватило астраханцев, когда, сойдя с парохода, новый архиерей сразу направился в кафедральный собор для служения литургии, несмотря на то, что было тогда уже три часа пополудни¹⁰⁶.

Об аскетическом образе жизни владыки Феофана сохранил любопытное свидетельство очевидец астраханского периода его епископства протоиерей Молчанов. В своем письме от 20 января 1954 года он вспоминает: «Жизнь

владыки была строго подвижническая: питался он простой пищей по уставу монашескому, спал он не на перине, а на войлочной кошме, а в головах было что-то твердое, зашитое в материю... Пальцы его левой руки всегда перебирали узелки четок»¹⁰⁷. Но самое удивительное произошло в день отъезда астраханского епископа на новую кафедру, когда оказалось, что в архиерейской казне нет денег даже на билет до Полтавы, куда он назначался указом императора от 8 марта 1913 года¹⁰⁸. «И город купил билет для проезда владыки Феофана»¹⁰⁹. Его провожали «не только православные, но и татары, и армяне, и даже евреи. Это были те, кто получал поддержку от владыки»¹¹⁰. В дополнение к этому приведем еще одно письменное свидетельство другого очевидца проводов епископа Феофана, которое сохранил архиепископ Аверкий. Астраханцы не хотели отпускать своего любимого архипастыря. «Но когда он все-таки должен был уезжать, на вокзале собралась громадная толпа людей, и несколько сот человек легли на рельсы перед паровозом, чтобы поезд не мог идти... Это продолжалось несколько часов»¹¹¹. Это, действительно, свидетельствует о том, что народ понял, кого он имел своим духовным руководителем, и кого он терял в этот день.

Следующей в архиерейском служении владыки Феофана была Полтавская кафедра. Именно с этим титулом—архиепископ Полтавский—он и упоминается обычно во всех работах и документах дальнейшего периода.

На новой кафедре он так же, как и в предыдущих местах своего служения, довольно быстро завоевал авторитет. «Сколько приходилось нам встречать полтавцев,— пишет архиепископ Аверкий,—которые с величайшим благоговением и сердечным умилением вспоминали своего дивного архипастыря, бывшего поистине «не от мира сего»¹¹².

После революции 1917 года в Полтаве активизировались сепаратистски настроенные «самостийники», поддерживавшие провозглашение Центральной радой в Киеве украинской автокефалии. Они требовали от епископа Феофана совершить в кафедральном соборе торжественную панихиду по Иване Мазепе, а за отказ выполнить это их требование посадили его в тюрьму.

Как правящий архиерей Полтавской епархии Пресвященный Феофан участвовал в работе Всероссийского Поместного Собора 1917-1918 гг. Всеми признанному ученому епископу было поручено председательство в подкомиссии, занимавшейся рассмотрением возникшей в 1912 году среди братии русского афонского Свято-Пантелеимонова монастыря ереси «имяславцев»¹¹³. Кроме разоблачения самого лжеучения, возглавляемая владыкой Феофаном комиссия должна была сформулировать официальное богословское определение о почитании Имени Божия. Однако революционные события помешали довести до конца эту работу. В изданных творениях Пресвященного Феофана последний раздел, озаглавленный «Имя Божие», содержит подборку цитат из сочинений святых отцов, касающихся данного вопроса.

Сохранилось еще одно свидетельство о событиях, происшедших на Всероссийском Соборе 1917-1918 гг., которое ярко характеризует епископа Феофана как человека твердого в своих убеждениях. Тогда «модернисты почтительно задали ему вопрос: «Если Вы, владыко, не уступите стремительным волнам времени... с кем Вы останетесь? Один останетесь!». На что владыка кротко заметил: «Я останусь со святым князем Владимиром, просветителем Руси, с преподобными Антонием и Феодосием Печерскими чудотворцами, со святителями и чудотворцами Московскими, с преподобными Сергием и Серафимом»¹¹⁴. Такая бескомпромиссность владыки Феофана Минской Духовной Академии его

авторитет. В этом же, 1918 году, и, видимо, на этом же Соборе он был удостоен сана архиепископа¹¹⁵.

На чужбине

События гражданской войны вынудили многих архиереев, в том числе и архиепископа Феофана, покинуть свои кафедры. Из-за невозможности регулярной связи с Патриархией в различных областях, занятых белыми армиями, создавались местные органы Временного Высшего Церковного Управления. В мае 1919 года такое ВВЦУ было образовано на юго-востоке России. После эвакуации из Новочеркасска в Крым в его состав вошел архиепископ Полтавский Феофан. Здесь, в Крыму, он пробыл вместе с другими архиереями до 1920 года. Очень скоро после эмиграции ему пришлось вновь приехать на Родину для воодушевления обреченного белого движения. Все большая очевидность грядущего поражения белой армией естественно сопровождалось подъемом религиозности среди тех, кто еще оставался на крохотном клочке уходящей Православной России. По просьбе бывшего министра иностранных дел Струве «из Сербии при содействии епископа Феофана» сюда была привезена икона Божией Матери Курская-Коренная¹¹⁶. Но эта доставка чудотворной иконы оказалась необходимой лишь для благословения дальнего пути еще одной волны эмигрантов. На этот раз владыка Феофан оставлял Россию навсегда.

Многочисленность русских эмигрантов православного вероисповедания требовала организации их церковной жизни в новых условиях. Ввиду этой необходимости русские архиереи (беженцы) составили свой первый Собор, который переименовал Южное Церковное Управление России в Высшее Русское Церковное Управление за границей¹¹⁷. Это совещание состоялось 19 ноября 1920 года на пароходе «Великий князь Александр Михайлович» в Константи-

нопольском порту¹¹⁸ в составе митрополита Антония (Храповицкого), митрополита Платона (Рождественского), архиепископа Анастасия (Грибановского), архиепископа Феофана (Быстрова) и епископа Вениамина (Федченкова)¹¹⁹.

Оставляя на суд историков и канонистов вопрос дальнейшего формирования Русской Православной Церкви Заграницей, нам важно отметить, что до вступления в богословскую полемику с главой Синода РПЦЗ личность владыки Феофана воспринималась зарубежными архиереями совершенно иначе, нежели после его критики «Догмата Искупления» митрополита Антония. «Мы имеем все основания, — писал архиепископ Аверкий, — считать владыку... Феофана одним из главнейших и наиболее последовательных и строго-принципиальных идеологов нашей Русской Православной Церкви Заграницей». Этой идеологией, как он считал, является «строгое бескомпромиссное хранение святой православной веры, с безусловным отвержением не только явных ересей, но и всякого современного модернизма, вольнодумства и либерализма, подкапывающих нашу святую веру и стремящихся сделать ее «солью обуявшей»¹²⁰. Пройдет несколько лет, и эта «идеология» претерпит значительные изменения. А пока архиепископ Феофан во время отсутствия митрополита Антония как старейший и авторитетнейший архиерей «исполняет должность председателя Синода»¹²¹.

Весной 1921 года владыка Феофан в числе других архиереев-эмигрантов переезжает в Югославию¹²². Очевидец тех событий, иеромонах Киприан, запечатлел облик Преосвященного владыки Феофана во время его пребывания в сербском монастыре святой Параскевы: «... среди всей... братии, среди этих русских иноков стоит маленькая фигура святителя. Трудно говорить о таких людях, трудно даже подойти к ним с благоговейным трепетом склоняешься в земном поклоне перед ним, прося бла-

гословения. И, не смотря в его лицо, принимаешь широкое его осенение маленькой, суховатой рукой, немного отрывистое и резкое. И особенно становится благоговейно, если взглянуть в его лицо: немного припухлая, точно детская, верхняя губа, черная маленькая бородка, длинные волнистые волосы почти до пояса, слегка раскосые глаза, надвинутый клобук. Великий постник, молитвенник, человек той особой духовной жизни, уже увидевший те высоты и лазурные светлые дали, которые видимы им, этим полужемным людям, этим ангелам во плоти, уже живущим не здесь»¹²³.

Через четыре года архиепископу Феофану вновь пришлось сменить место жительства. Получив приглашение от двух своих бывших учеников, болгарских митрополитов-синодалов, он переехал в 1925 году в Болгарию. Священный Синод Болгарской Церкви разместил русского архиерея в здании Синодальной Палаты (София). Летом обычно «он жил в пяти километрах от Варны на даче, которую для него снимала Варненская русская церковь»¹²⁴, здесь он преимущественно занимался богословскими литературными трудами «догматического, экзегетического и аскетического содержания»¹²⁵. Архиепископ Аверкий сообщает, что здесь Преосвященный богослов «составлял по особой, им самим разработанной системе, новую редакцию «Добротолюбия», чрезвычайно практичную, удобную для пользования; составлял также «Добротолюбие русских святых», весьма интересное, оригинальное толкование на Апокалипсис»¹²⁶. Однако ничего из перечисленных сочинений архиепископа Феофана нам отыскать не удалось. Отсутствуют названия этих трудов и в «Описи рукописей архиепископа Феофана, бывшего Полтавского»¹²⁷.

К болгарскому периоду жизни владыки Феофана относятся и имеющиеся в нашем распоряжении его проповеди. Большинство из них, наряду с нравственной направлен-

ностью, пронизаны догматическим учением. Такое сочетание не случайно, т.к. архиепископ Феофан—не кабинетный богослов, а практик. Он опытно усвоил учение святых отцов о том, что «Господь называет блаженными не просто учащих, но тех, которые сначала через исполнение заповедей удостоились прозреть и увидели в себе просвещающий и блистающий свет Духа и благодаря ему в этом истинном видении, знании и действии познали, о чем следует говорить и чему учить других. Ибо стремящимся учить надежит... сначала возвыситься, чтобы, говоря о том, что не познали, они не прельстили и не погубили вместе с теми, кто верят им, и самих себя»¹²⁸.

В этот же период, в 1926 году, архиепископ Феофан счел своим епископским долгом своевременно высказать критическое суждение и свое категорическое несогласие с интерпретацией митрополитом Антонием (Храповицким) православного учения о спасении человека крестными страданиями Господа нашего Иисуса Христа. Впервые эта трактовка была изложена в 1917 году, тогда еще архиепископом Антонием в статье «Догмат Искупления». А через два года вошла в составленный им же «Опыт христианского православного катехизиса».

Трагические события в России 1917-1919 гг. не оставляли возможности для богословского обсуждения этих взглядов владыки Антония. Повторное издание этих сочинений в Сремских Карловцах и последовавшее за этим постановление Синода Русской Православной Церкви Заграницей «о замене «Пространного Катехизиса» митрополита Филарета Московского «Опытом Катехизиса» митрополита Антония (Храповицкого) в качестве учебника в русских школах за границей»¹²⁹ не позволило владыке Феофану уклониться от обсуждения этого важнейшего в православной догматике вопроса. Вначале он вместе с архиепископом Серафимом (Соболевым) приехал в Минской Духовной Академии

та Антония отказаться от неправильных мыслей в его «Догмате Искупления»¹³⁰. А затем они подали «Заявление в Русский Архиерейский Заграничный Собор»¹³¹ о своем несогласии с нововведениями митрополита Антония. Данное «Заявление» было сопровождено основательным докладом Пресвященного Феофана.

Из его слов «ясно видно благоговение святителя Феофана Полтавского перед святыми отцами, его святоотеческая выучка и сверхъестественное смирение, заставлявшее его не говорить ни единого слова от себя лично... что, кстати, характерно для великих хранителей православного Предания, даже для столь великих богословов, как архиепископ Феофан»¹³².

Таким образом, годы, проведенные Пресвященным Феофаном в Болгарии, явились наиболее плодотворными в богословско-литературной деятельности владыки. Болгарский период его жизни сменился в 1931 году на французский.

Переехав во Францию, архиепископ-богослов поселился в доме своих питерских друзей в местечке Кламар (пригород Парижа). Но, заметив за собой слежку и почувствовав опасность, владыка Феофан перебрался в 1939 году в местечко Лимерэ на Луаре. Сюда его пригласила бывшая полтавская помещица Мария Федченко. В ее небольшой усадьбе в меловых пещерах и поселился архиепископ-аскет. Это были «три продолговатых, высоких, правильно высеченных пещеры,—вспоминает один очевидец, священник Феодор И.—В одной помещалась келья владыки, она же его домовая церковь. В остальных пещерах—сельскохозяйственный склад... В келье владыки два его фотографических портрета, Библия со вложенными сухими цветами, собранными на Дивеевской канавке, и другими священными вкладками, ящик с мощами, может быть до двадцати четырех в золотых сосуди-

ках, и многое другое из священных реликвий»¹³³. Жизнь в пещерах сделала его совершенным отшельником. Подражая глубоко почитаемому епископу Феофану, Вышенскому Затворнику (в то время еще непрославленному), архиепископ Феофан совершал в своем уединении ежедневно Божественную литургию. Последние месяцы своей жизни владыка Феофан сильно болел. Его слабое здоровье подрывалось еще и строгим аскетическим образом жизни. Скончался Высокопреосвященный архиепископ Феофан 19 февраля 1940 года¹³⁴.

К сожалению, встречаются некоторые неточности орносительно последних лет жизни архиепископа Феофана в новейших справочных изданиях. Так, Церковно-научный центр «Православная энциклопедия» в списках «Архиереев Русской Православной Церкви (1700-1917)», помещенных в первой части восьмой книги Истории Русской Церкви указывает на то, что архиепископ Феофан (Быстров) находился «с 1919 года на Афоне» и скончался 6 февраля 1940 года¹³⁵. По всей видимости, сотрудники этого центра заимствовали такую информацию у митрополита Мануила (Лемешевского), который, кроме того, местом кончины владыки Феофана называет тоже Афон¹³⁶. Более значительные искажения в дате смерти архиепископа Феофана встречаются в справочном издании «Очерки Истории Санкт-Петербургской епархии», где говорится, что он «окончил земной путь в 1943 году»¹³⁷, а также в некоторых других биографических статьях¹³⁸.

Мирно скончавшись на шестьдесят шестом году жизни, владыка Феофан был погребен на общественном кладбище в местечке Лимерэ под номером 432. Как ни странно, митрополит Евлогий, узнав о смерти архиепископа Феофана, прислал телеграмму с указанием хоронить его «как простого инока»¹³⁹. Но это нисколько не умалило

его архиерейского достоинства, ведь, будучи епископом, он всегда оставался иноком.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср.: Бэттс Р., Марченко В. Духовник Царской Семьи святитель Феофан Полтавский, Новый Затворник.—Изд. второе, испр. и доп.—М.: Братство Преподобного Германа Аляскинского, 1996. С. 11. Соколова Л. И. Предисловие // Святитель Феофан Полтавский, новый затворник. Творения.—СПб.: Общество святителя Василия Великого, 1997. С. 3.

² Родители архиепископа Феофана похоронены на Волковом кладбище г. С.-Петербурга.

³ Вениамин (Федченков), митрополит. Записки епископа. Ч. III. Машинопись на правах рукописи - Ростов-на-Дону, 1955. С. 106.

С. 83. Ср.: Бэттс Р., Марченко В. Указ. Соч. С. 11-12.

⁴ Вениамин, митрополит. Записки епископа. С. 83.

⁵ Аверкий (Таушев), архиепископ. Высокопреосвященный Феофан, архиепископ Полтавский и Переяславский. К столетию со дня рождения: 1872-1972. - Jordanville, 1974. С. 12.

⁶ Краткая записка о С.-Петербургской Духовной Семинарии за сто лет (1809-1909).—СПб., 1909. С. 30.

⁷ Парийский Л. Н. К 150-летию Ленинградской Духовной Семинарии // ЖМП, 1959. №11. С. 39.

⁸ Вениамин, митрополит. Записки епископа. С. 83.

⁹ Воронов А., протоиерей. Преосвященный

Феофан (Быстров) - Ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии (1909-1910) // Вестник Ленинградской Духовной Академии. 1990. № 1. С. 20.

¹⁰ Вениамин, митрополит. Записки епископа. С. 104.

¹¹ Там же. С. 84.

¹² Эта работа была издана отдельной книгой и имеется в библиотеке Московской Духовной Академии.

¹³ Павловский И. Ф. Полтавцы. —Полтава, 1914. С. 21-22.

¹⁴ Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1896/97 учебный год. —СПб., 1897. С. 155.

¹⁵ Там же. С. 156.

¹⁶ Цит. по: Воронов Л., прот. Указ. соч. С. 20.

¹⁷ Прибавление к Церковным ведомостям. —1909. № 9. С. 437. Памятная книжка С.-Петербургской Духовной Академии на 1896/97 учебный год. —СПб., 1897. С. 14. См. также: Metropolitan Manuil (Lemesevskij). Указ. соч. С. 375.

¹⁸ Журналы заседаний за 1896/97 учебный год. С. 359.

¹⁹ Там же. С. 360-374.

²⁰ Отчет о состоянии С.-Петербургской Духовной Академии за 1897 год // Христианское чтение. 1898. Ч. 1. С. 368.

²¹ Вениамин, митрополит. Записки епископа. С. 113.

²² Очерки истории Санкт-Петербургской епархии / Редактор-составитель митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Мясоедов). Миссионерский отдел Миссионерского отдела Санкт-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1994.

вья, 1994. С. 210.

²³ Вениамин, митрополит. Записки епископа. С. 83.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 85.

²⁶ Памятная книжка С.-Петербургской Духовной Академии на 1900/1901 учебный год. —СПб., 1901. С. 11.

²⁷ Там же. Ср.: Прибавления к Церковным ведомостям. —1909. № 9. С. 437.

²⁸ Церковный вестник. —1902. С. 229.

²⁹ Воронов Л., прот. Указ. соч. С. 21.

³⁰ Антоний (Мельников), митрополит Ленинградский и Новгородский. К 175-летию Ленинградской Духовной Академии (1809-1984) // Богословские труды. Юбилейный сборник, посвященный 175-летию Ленинградской Духовной Академии. —М., 1985. С. 5.

³¹ Вениамин (Федченков), митрополит. Промысел Божий в моей жизни. —СПб.: Сатис, 1997.

³² Вениамин, митрополит. Записки епископа. С. 87.

³³ Там же.

³⁴ Годичный Акт в С.-Петербургской Духовной Академии 17 февраля 1905 года. —СПб., 1905. С. 22.

³⁵ Прибавления к Церковным ведомостям. —1909. № 9. С. 437.

³⁶ Кирилл (Гундяев), архиепископ Выборгский. Богословское образование в Петербурге — Петрограде — Ленинграде: традиция и поиск // Богословские труды. Юбилей-

ный сборник, посвященный 175-летию Ленинградской Духовной Академии.—М., 1985. С. 19.

³⁷ Аверкий, архиепископ. Указ. соч. С.11.

³⁸ Там же.

³⁹ Памятная книжка... на 1900/1901 учебный год. С. 74.

⁴⁰ Вениамин, митрополит. Записки епископа. С. 88.

⁴¹ Цит. по: Бэттс Р., Марченко В. Духовник Царской Семьи. С. 32.

⁴² Шавельский Г., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Т. 1.—М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. С. 50.

⁴³ Соколова Л. И. Указ. соч. С. 5.

⁴⁴ Из записных книжек императрицы Александры Федоровны: выписки из святых отцов.—М.: Сестричество во имя преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы, 1999.

⁴⁵ Отчет о состоянии С.-Петербургской Духовной Академии за 1906 год // Годичный Акт в С.-Петербургской Духовной Академии 17 февраля 1907 года.—СПб., 1907. С. 8.

⁴⁶ Русский паломник.—1909. № 7. С. 115.

⁴⁷ Светозарский А. Митрополит Вениамин: жизнь на рубеже эпох // Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. - М.: Отчий дом, 1994. С. 5.

⁴⁸ Вениамин, митрополит. Записки епископа. С. 108.

⁴⁹ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни.—М., 1994. С. 182.

⁵⁰ Коковцов В.Н. Из моего прошлого (воспоминания: 1903-1919). Т. 2.—Париж, 1933. С. 287.

⁵¹ Жевахов Н. Д., князь. Воспоминания. Т. 1.—М.: Родник, 1993. С. 238.

⁵² Там же.

⁵³ Вениамин, митрополит. На рубеже двух эпох. С. 134.

⁵⁴ Цит. по: Бэттс Р., Марченко В. Духовник Царской Семьи. С. 63.

⁵⁵ Вениамин, митрополит. На рубеже двух эпох. С. 134.

⁵⁶ Жевахов Н. Д., князь. Указ. соч. С. 239.

⁵⁷ Гиппиус З. Маленький Анин домик // Наука и религия.—1989. № 5. С. 28.

⁵⁸ Шавельский Г., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Т. 2.—М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. С. 257.

⁵⁹ Аверкий, архиепископ. Указ. соч. С. 17.

⁶⁰ Вениамин, митрополит. На рубеже двух эпох. С. 138.

⁶¹ Шавельский Г., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Т. 1. С. 50.

⁶² Вениамин, митрополит. На рубеже двух эпох. С. 142.

⁶³ Бэттс Р. Пшеница и плевелы: беспристрастно о Г. Е. Распутине.—М.: Российское отделение Валаамского общества Америки, 1997. С. 113.

⁶⁴ Жевахов Н. Д., князь. Указ. соч. С. 242.

⁶⁵ Бэтте Р., Марченко В. Духовник Царской Семьи. С. 68.

⁶⁶ Аверкий, архиепископ. Указ. соч. С. 17.

⁶⁷ Церковный вестник.—1909. № 9. С. 268.

⁶⁸ Иванов А. И., профессор. Славный юбилей Русской Православной богословской науки и духовного просвещения (историческая записка, зачитанная на торжественном собрании 2 марта 1959 года Ленинградской Духовной Академии, посвященном 150-летию юбилею со дня ее основания). Машинопись.—Б.м. и г. С. 12.

⁶⁹ Соллертинский, прот., проф. Опыт исторической записки о состоянии С.-Петербургской Духовной Академии.—СПб., 1910. С. 5-6.

⁷⁰ Церковный вестник. 1909. № 7. С. 221.

⁷¹ Архив С.-Петербургской Митрополии. Фонд 1, опись 8, дело № 4.

⁷² Церковные ведомости.—1909. № 8. С. 47. Ср.: Церковный вестник.—1909. № 8. С. 238. Русский Паломник.—1909. № 10. С. 162.

⁷³ Прибавление к Церковным ведомостям.—1909. № 9. С. 437.

⁷⁴ Церковный вестник.—1909. № 9. С. 275.

⁷⁵ См.: Аверкий, архиепископ. Указ. соч. С. 6.

⁷⁶ Прибавления к Церковным ведомостям.—1909. № 10. С. 452.

⁷⁷ Вениамин, митрополит. Записки епископа. С. 93.

⁷⁸ Минской Духовной Академии

та Антония (Вадковского) назовет эту речь «знаменательной». См.: М. Б. Антоний, митрополит С.-Петербургский и Ладожский.—Петроград, 1915. С. 72.

⁷⁹ Прибавления к Церковным ведомостям.—1909. № 9. С. 405.

⁸⁰ Вениамин, митрополит. Записки епископа. С. 96.

⁸¹ Церковный вестник.—1909. № 10. С. 294.

⁸² См.: Церковный вестник.—1909. № 11. С. 333-334.

⁸³ Отчет о состоянии С.-Петербургской Духовной Академии за 1909 год.—СПб., 1910. С. 29.

⁸⁴ Катанский А., проф. Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 гг.) // Христианское чтение.—1917, июль-декабрь. С. 368.

⁸⁵ Состав Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода и Российской Церковной иерархии на 1917 год.—СПб.: Синодальная типография, 1917. С. 278.

⁸⁶ Состав Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода и Российской Церковной иерархии на 1910 год.—СПб.: Синодальная типография, 1910. С. 12.

⁸⁷ Чижов А. И. 175-летие Ленинградской Духовной Академии // ЖМП.—1985. №2. С. 20.

⁸⁸ Иннокентий, иеромонах, Уржумцев П. Заслуженный профессор протоиерей Михаил Кронидович Сперанский. Некролог // ЖМП.—1984. № 12. С. 38.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Воронов Л., протоиерей. Указ. соч. С. 24.

- ⁹¹ Вениамин, митрополит. Записки епископа. С. 109.
- ⁹² Аверкий, архиепископ. Указ. соч. С. 27.
- ⁹³ Вениамин, митрополит. Записки епископа. С. 111.
- ⁹⁴ Церковный вестник.—1909. № 25. С. 771.
- ⁹⁵ Церковный вестник.—1909. № 52. С. 1623.
- ⁹⁶ Церковный вестник.—1910. № 7. С. 215.
- ⁹⁷ Русский паломник.—1912. № 31. С. 479.
- ⁹⁸ Manuil (Lemesevskij), metropolit. Op. Cit. P. 375. Ср.: Памятная книжка Императорской Петроградской Духовной Академии на 1915/1916 учебный год.—Птр., 1915. С. 9.
- ⁹⁹ Церковные ведомости.—1910. № 48. С. 441. Ср.: Церковный вестник.—1910. №47. С. 1477.
- ¹⁰⁰ Соколова Л. И. Указ. соч. С. 6. Сравнивая эту цитату с другими источниками, нельзя не заметить плагиата: приведенные слова Л. И. Соколова до буквальной точности заимствует у авторов книги «Духовник Царской Семьи». См.: Бэттс Р., Марченко В. Указ. соч. С. 74
- ¹⁰¹ Шавельский Г., протопресвитер. Указ. соч. Т. 1. С. 58.
- ¹⁰² Церковные ведомости.—1912. № 28. С. 271.
- ¹⁰³ Светозарский А. К. Указ. соч. С. 400.
- ¹⁰⁴ Вениамин, митрополит. На рубеже двух эпох. С. 165.
- ¹⁰⁵ Церковные ведомости.—1912. № 51-52. С. 2073.
- ¹⁰⁶ Вениамин, митрополит. Записки епископа. С. 129.
- ¹⁰⁷ Это письмо приводит митрополит Вениамин в своих «Записках епископа». С. 131.
- ¹⁰⁸ Церковные ведомости.—1913. № 11. С. 119.
- ¹⁰⁹ Вениамин, митрополит. Записки епископа. С. 132.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Аверкий, архиепископ. Указ. соч. С. 29
- ¹¹² Указ. соч. С. 18.
- ¹¹³ Булгаков С, протоиерей. Философия имени.—Б.м. и г. С. 5.
- ¹¹⁴ Святитель Феофан Полтавский. О благодати Божией. С. 4-5.
- ¹¹⁵ Смолич И. К. История Русской Церкви 1700-1917.—М: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Ч. 1. С. 739.
- ¹¹⁶ Минц И. Врангелевщина // Красный Архив. Т. 39.—М.-Л., 1930. С. 3. Ср.: Вениамин, митрополит. На рубеже двух эпох. С. 266-267.
- ¹¹⁷ Троицкий С. В., профессор. О неправде карловацкого раскола.—Париж, 1960. С. 95.
- ¹¹⁸ Цыпин В., протоиерей. История Русской Церкви 1917-1997.—М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 555.
- ¹¹⁹ Митрофанов Г., священник. Из истории Русской Православной Церкви XX века (К

вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920-1927 гг.) // Христианское чтение. — СПб., 1991. С. 20.

¹²⁰ Аверкий, архиепископ. Указ. соч. С. 20.

¹²¹ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). — Джорданвилль, 1988. С. 97.

¹²² Там же. С. 83.

¹²³ Киприан, иеромонах. Крины молитвенные. — Изд. Братства преподобного Серафима. Машинопись. Б.м., 1928. С. 12.

¹²⁴ Никон (Рклицкий), епископ. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 5. — Нью-Йорк, 1959. С. 33.

¹²⁵ Аверкий, архиепископ. Указ. соч. С. 26.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Опись рукописей архиепископа Феофана, бывшего Полтавского. — Машинопись.

¹²⁸ Преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова, игумена обители святого Мамаса Ксирокеркского Главы богослов-

ские, умозрительные и практические. — М.: Зачатьевский монастырь, 1998. С. 18.

¹²⁹ Бэттс Р., Марченко В. Указ. соч. С. 146.

¹³⁰ Троицкий С. В. Указ. соч. С. 123.

¹³¹ См.: Бэттс Р., Марченко В. Указ. соч. С. 146-159.

¹³² Серафим (Роуз), иеромонах. Святые отцы: верный путь христианства. — М.: Писатель, 1997. С. 8.

¹³³ Аверкий, архиепископ. Указ. соч. С. 28.

¹³⁴ Свято-Германовский Православный календарь: 1998. — Platina, California, 1997. С. 11.

¹³⁵ Смолич И. К. Указ. соч. С. 739.

¹³⁶ Metropolit Manuil (Lemesevskij). Op. cit. P. 375.

¹³⁷ Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. С. 210.

¹³⁸ См.: Серафим (Роуз), иеромонах. Святые отцы: верный путь христианства. С. 7.

¹³⁹ Бэттс Р., Марченко В. Указ. соч. С. 170.